

Предисловие

Наша рукотворная среда обитания, мегаполис, иногда кажется нам живой и даже разумной. Не совокупность улиц, зданий, транспорта, но один огромный организм, и мы — его симбиоты. Мегаполис может болеть, хандрить, и это обязательно на нас сказывается. Верно и обратное: наш негатив влияет на город. Стоит только поддаться черным мыслям, как к нам потянутся тени. И кто-то невидимый станет нами питаться...

Хорошая книга-фантазия всегда основана на странных прозрениях, подсказанных нам интуицией. Мы как бы немножко догадываемся о тайне, во всяком случае, ощущаем ее присутствие. И тут приходит писатель и увлекательно рассказывает читателю, что на самом деле кроется за его смутными догадками. Возникает особое, теплое доверие к книге. И герои запоминаются надолго. Становятся не просто образами, но людьми из нашей жизни.

Таков роман молодой писательницы Александры Натаровой «Город М».

По версии Натаровой, в городе М живут тоже-люди, не похожие на нас. Думаете, вороны и голуби — это просто умные птицы, научившиеся жить рядом с человеком? А крысы — просто грызуны? А как насчет бродячих собак? Однажды Женя, подрабатывающая курьером, видит на складе, как девушка, похожая на цыганку, грызет угол картонной посылочной коробки. Нет,

ей не показалось. Женя — особенная. Там, где обычный человек наблюдает крысу или кошку, героиня видит людей. Жене предстоит узнать, что сообщества четвероногих и крылатых городских обитателей, имеющих и человеческие обличья, — это организации Хранителей, взявших на себя заботу о здоровье мегаполиса. И что им, как никогда, трудно противостоять Теневым. И что над городом М сгущаются тучи...

Кто ближе всего к «земле» мегаполиса, а стало быть, к его бездомной собачье-кошачье-вороньей живности? Бездомные люди, бомжи. Мы, стандартные горожане, рефлекторно от них отворачиваемся. А между тем это отдельная субкультура, со своей социальной иерархией, технологиями выживания и даже фольклором. Один из героев книги — старик по прозвищу Дерсу, в прошлом интеллигент, ныне бомж-библиотекарь, собирающий книги на помойках. В гараж к Дерсу приходят за книжками не только его товарищи по бездомности, но и жители соседних пятиэтажек, и даже участковый — за томиком Пастернака. Кроме того, Дерсу ведет видеоблог про уличных животных, которых очень любит. Неудивительно, что его судьба и пути Хранителей пересеклись.

Но главный герой этого романа — ребенок. Мальчик Леша, оставшись без матери и без жилья, скитается с пьющим отцом по вокзалам и бомжатникам. Впервые мы видим его, когда он пытается сделать гроб для отца, умершего ночью: не из досок, а из воображения. Такой же красивый, какой был у мамы. Оказывается, Леша — главный человек для города М. Тот, от кого зависит благополучие и здоровье всего сложного организма. Тот, кто может говорить с домами. Тот, кто остановит Тени. Посильна ли ноша? Что происходит с человеком, если он взрослеет слишком рано и слишком быстро? Мальчик Леша — да, сказочный персонаж. Одновременно он очень настоящий, живой, понятный.

Написать роман с ребенком в качестве главного героя, но так, чтобы было интересно взрослым, — это признак настоящих литературных способностей. Александра Натарева училась у меня

в мастерских CWS, и я сразу поняла, что этот автор имеет будущее. Сейчас, представляя читателю первую книгу Александры, я уже уверена в том, что к нам пришел новый писатель, соединяющий сюжет-фантазию с реалистическим психологизмом, сюжетную изобретательность — с артистическим языком.

Ольга Славникова

Прицелишься взглядом, сожмешь Пустоту в кулаке.

Бояться не надо, это твой Город бьется в истерике.

Дорогая Венди. Маленький принц

1

Умирающий день быстро линиял — все вокруг становилось одинаково сизым, только рыжие фонари пытались как-то развеселить окружающий мир. Но это были жалкие попытки. Дома сонно глядели на замученные дождем Улицы, пешеходы с суровыми лицами перепрыгивали огромные лужи, кое-где превратившиеся в моря. Тяжелые волны грязной воды бились о бордюры, новые ливневки не справлялись с таким потоком.

Я оскальзывался на гранитной плитке, с трудом уворачиваясь от стремившихся навстречу прохожих. Мои кеды звучно чавкали, насквозь пропитавшись водой, промокшая одежда липла к телу, не давая согреться. Я проклинал погоду, ужасно хотел курить, а еще истекал кровью.

Пешеходы, не слишком занятые своими мыслями, бросали на меня короткие сочувственные взгляды. В другой день я бы позволил себе воспользоваться чужой добросердечностью. Например, разжалобил бы какую-нибудь старушку, чтобы та угостила меня хлебом. Но сейчас надо было спешить, и я спешил как мог. Мешала идти травмированная нога, при каждом шаге отзывавшаяся болевым импульсом такой силы, что он отдавался в висках. Я бы полетел, если бы мог, но отбитые ребра не позволяли.

Город отходил после проливного дождя, дремал, обессиленный, как больной после приступа. А потому даже не пытался облегчить мое путешествие. Силы на дорогу давала только злость.

Злился я на дурацкую осень, на свою неуклюжесть, но больше всего — на Бориса.

Почему он вдруг на меня напал?

Я снова и снова прокручивал в голове утренние события, пытаюсь найти хоть какие-то подсказки.

Итак, ранним утром небо не предвещало грозы, было тепло и солнечно. Я вылетел из Театра в чудесном настроении. Вылетел заранее, по пути успел уладить пару мелких дел, на лету подобрал у кафе недокуренную сигарету. К месту встречи прибыл ровно к назначенному времени.

Я прилетел один, посчитал, что нет нужды напрягать своих ребят. Я же должен был встречаться с главой дружественного ордена. Что могло пойти не так?

Все пошло не так.

Встречу с Борисом мне назначили в центре, между Улиц, некогда бывших самыми тихими в центре. Но в последние годы тут открылось множество модных заведений, и жизнь забила ключом. На радость любителям ночных тусовок и к ужасу местных жителей, теперь обивавших пороги разных инстанций, требуя прекратить безобразия.

Борис ждал меня в той части Улицы, где всяких кафе и баров было не так много. Между двух красных Домов, глядевших друг на друга с легким пренебрежением. Узкая дорожка, пролежавшая между ними, упиралась в футбольную коробку, в это время дня пустую.

Борис тоже пришел один — сидел на узком бортике коробки. Он был мрачен, впрочем, как всегда. Поэтому я не заподозрил неладное. Как обычно, он был одет в любимую изношенную кожанку, надетую поверх толстовки. Капюшон толстовки был натянут на кепку, чтобы та не слетела во время бега, — так он когда-то мне объяснил. Козырек кепки надвинут на левую сторону лица, прикрывая шрам, красовавшийся на месте глаза. Сбитые косяшки торчали над краями карманов старых джинсов.

— Здарова! — крикнул ему я еще на подлете.

— Здравствуй, Каравакс, — коротко кивнул Борис.

— Ну, рассказывай, кто наш новый спаситель?

Шутку Борис не оценил — только скрипнул челюстью, едва заметно косившей вправо.

— Ладно, серьезно. — Я прикурил окурок сигареты и сделал долгожданную затяжку. — Кто он? — Мои слова заволокло дымом.

Борис почему-то медлил с ответом, и тогда я решил еще пошутить, чтобы как-то разрядить обстановку. Но стоило мне открыть рот, как Борис бросился на меня. Я даже не успел толком осознать, что произошло, как в мои щеки, скулы, подбородок впились когти. Секунда — и он меня подсек. Я грохнулся, больно ударившись спиной, Борис навис надо мной грозной тенью.

— Седовласого мальчишку ты не получишь, — прошипел он, мельком бросив взгляд куда-то в сторону.

«Что?» Но мысль прервалась резкой болью, — кулаки Бориса забарабанили по моим ребрам. От тяжелых ударов, от смятения, от абсурда происходящего я выпал из реальности. А когда очнулся, понял, что все еще лежу в переулке. Надо мной хмурилось грозное Небо. Я огляделся, чувствуя, как по лицу струится кровь. Бориса нигде не было. Я не мог точно сказать, защищался ли я. Думаю, да — посмотрев на руки, я увидел кровь и ссадины на костяшках. Я перевернулся на живот, отполз с дорожки и улегся на газон у кирпичной стены.

Какое-то время я просто лежал, пытаюсь унять боль, проломившую тело сразу в нескольких местах. Осторожно ощупал бока — вроде ничего не было сломано. Это придало уверенности. Я поднялся и по стенке поплелся прочь из переулка. На середине пути на меня обрушился дождь.

Ситуация выходила пренеприятнейшая.

Борис, конечно, никогда не был подарком. Себе на уме, нелюдимый, хамоватый, короче говоря, на любителя. Но глава ордена

кеди, один из самых уважаемых Хранителей — и вдруг предатель? Что-то тут не клеилось.

И теперь обо всем этом мне надо было как-то рассказать Майе, на встречу с которой я так отчаянно опаздывал. Что я мог ей сказать?

Что ее приемный отец спасовал перед лицом общей опасности, исколотил пришедшего на переговоры меня и был таков, не сказав ни слова о том, кого... стоп!

Осознание настигло меня так внезапно, что я остановился прямо посреди дороги.

Идиот. Седовласый! Борис сказал: седовласый мальчишка! Седоволосый ребенок, стало быть. Или я неправильно его понял? Но вряд ли бы он сказал «мальчишка», имея в виду взрослого. Сколько седоволосых детей могло быть в Городе? К счастью, в мирное время — немного. Какая-никакая, а подсказка. Пожалуй, сойдет за хорошую новость, решил я и прибавил шаг.

Приближаясь к месту встречи, я вдруг понял, что безумно волнуясь. Вдруг Майя не там? Вдруг с ней что-то случилось? В конце концов, это она была организатором утренней встречи, может, и ей досталось? После случившегося я был готов к любым сюрпризам. На дне души закопошились и другие мысли вроде «А вдруг она с ним заодно?», но я тут же прогнал их.

На подходе к скверу я заметил знакомый белый силуэт на скамейке.

Пришла! Значит, обошлось?

Фигурка в белоснежном пальто в свете рыжих фонарей казалась призраком. Деревья вокруг отбрасывали резные тени на ее фарфоровое лицо. Она сидела, сцепив руки в замок, и от нее исходило такое напряжение, что я почти слышал, как мечутся в ее голове многочисленные мысли. Майя не сразу заметила меня, когда я подошел. Я кашлянул, и она вскинула на меня взгляд. Янтарные глаза сканером проехали по мне, и она резко отвернулась.

— С тебя грязь течет, — бросила она куда-то перед собой, но мне прилетело рикошетом, и я невольно начал приглаживаться и отряхиваться.

Майя была только наполовину кеди, а на вторую половину — домашняя. Я был уверен, что именно вторая половина иногда делала ее сущим деспотом.

— Прости. — Я опустился рядом на скамейку. Не слишком близко, чтобы не запачкать.

И тут же почувствовал себя идиотом.

Я не понимал, как это у нее каждый раз получалось. Стоило мне заговорить с Майей, как я тут же будто терял большую часть себя, своего знания, опыта, становился малозначительным и даже нелепым. Потому ли, что Майя — кеди, хоть и наполовину. Но скорее всего из-за того, что Майя — это Майя. Всегда собранная, сосредоточенная, разговаривает всегда — будто отчитывает. И этот ее взгляд. Иногда мне казалось, что он может убить, стоит только Майе этого сильно захотеть.

В то же время ее решимость вдохновляла, всегда будила во мне частенько забываемое желание чего-то прекрасного.

— Ты все провалил, — выдернула она меня из размышлений.

— Провалил? Я? Да из меня чуть душу не выбили!

— Чуть не считается. Ты что-то узнал.

Я не понял, спросила она или утвердила.

— Борис сказал, что новый Путевод — это седой ребенок, — сообщил я.

— Ребенок! — прыснула Майя. — Мало. Жаль, я надеялась, тебе повезет больше. Больше, чем мне.

Майя помолчала.

— В последнее время он почти ничего не рассказывал. Ни мне, ни кому бы то ни было в семье. — Она потерла пальцы, будто стирая невидимую грязь.

— Да ладно? — поднял бровь я.

Не похоже на кеди. Они жили как единое целое — никаких секретов друг от друга, никаких тайн. Борис ввел это правило и сам строго его придерживался. Не зря они называли свой орден семьей.

— Выходит, он в одиночку узнал нечто очень важное, но никому из вас не сказал?

Майя кивнула, все еще не глядя на меня.

— В последнее время он был очень замкнутый. Никто не знает, что с ним случилось. Даже удивительно, что он согласился на встречу. Жаль, что все закончилось так просто.

— С этим я бы поспорил, — усмехнулся я.

Мне даже стало немного обидно: Майя не проявила ко мне никакого сочувствия, а ведь сама отметила, что выгляжу я паршиво. Впрочем, Майя никогда не была особо сентиментальной, во всяком случае, со мной.

— Ну, а если он просто сорвался? — предположил я, чтобы как-то продолжить утихший разговор. — Все когда-нибудь срываються, работа у вас нервная...

Тут Майя бросила на меня такой уничижительный взгляд, что я немедленно замолчал. И мысленно выругал себя за то, что все-таки ляпнул глупость. Опять повисла пауза. Майя что-то напряженно обдумывала, сжимая ладони до побелевших костяшек. Я не решался перебивать ее мысли.

— Могло быть так, что за вами наблюдали? — вдруг спросила Майя. И замерла, пораженная собственной догадкой. — Что, если так он пытался тебя предупредить?

— Предупредить?

— Да! — Майя вцепилась в меня взглядом, я невольно отполз подальше. — Тогда все логично! Вас могли подслушивать, и он мог об этом знать! Тогда он нашел единственно доступный способ, как сказать тебе хоть что-то!

В эту теорию мне верилось с трудом. Скорее, казалось, что Майя всячески искала отцу оправдания. Но уместно ли это было?

Майя будто считала мои сомнения, и взгляд ее снова стал холодным и строгим.

— У тебя есть объяснения получше?

— Я не знаю! — Мирный курс беседы захрустел, как весенний лед на реке. Нужно было срочно исправляться. — Допустим, ты права. Но кто мог подслушивать? Не думаешь же ты, что туда притащились сами... — Я осекся: близился вечер, а о тех, кто был плотно связан с наступающей темнотой, говорить с заходом солнца было как-то неуютно. — Короче говоря, уж больно хитро! Да и не делали Они ничего подобного никогда, с чего вдруг начинать?

— Без понятия. — Майя опять отвернулась. — Но и у нас никогда так быстро не менялся Путевод. И потом, эта версия — пока лучшее, что у нас есть, не так ли?

Я кивнул, все еще раздумывая над ее словами.

— Ну, в принципе да, нападение — для отвода глаз. В драке легко можно перекинуться парой фраз, чтобы посторонние не услышали. Но опять же, очень уж мудрено. И рискованно! Я ведь мог не услышать, не так понять, побежать сразу жаловаться в Совет, в конце концов...

— Значит, ситуация была очень серьезная. И Борис это понимал. Возможно, это был единственный способ помочь нам, не привлекая Их внимания.

Город отозвался на слова Майи тяжелым вздохом — порыв ветра сорвал с ветвей желтую листву, сноп искр взметнулся в лучах фонарей.

Майя мотнула головой.

— Ладно. — Она спрыгнула со скамейки, легко и грациозно. — Я попробую узнать больше. Если что — дам знать. — Она помолчала. — Как бы то ни было, мы наконец-то узнали, кого искать. Ваша очередь, краи, немного поработать.

Майя собралась уходить, но в последний момент обернулась и снова смерила меня взглядом.

— Только будь добр, приведи себя перед этим в порядок. А то как фоци помоечный.

— Еще бы сырником обозвала... — кисло усмехнулся я. — За что ж ты так меня, я ж пострадавшая сторона!

— До уровня той вороны с лисицей тебе, конечно, еще далеко. Но я знаю, что ты можешь лучше, Каравакс! — бросила Майя через плечо и исчезла в бликах вечерней Улицы.

Распивавший на соседней скамейке пиво мужчина ухмылялся — он наблюдал презабавную картину. Ворона и белая кошка с бубенчиком на ошейнике сидели на скамейке и будто общались — кошка мяукала, ворона каркала в ответ. А когда на дне бутылки оставалось совсем немного, он услышал, он готов был поклясться, что услышал, как кошка советует вороне привести себя в порядок. Подоспевший с добавкой собутыльник сперва расхохотался, услышав рассказ приятеля. Но резко перестал смеяться, когда очевидец странных событий решительно отказался от новой порции спиртного.

— Пойду домой, в порядок себя приведу... — пробормотал он и побрел прочь.

Сигарета обожгла легкие долгожданным дымным ядом. Я не смог удержаться — закурил прямо в кабинете Линды. И хотя она была против моего курения, сейчас не говорила ни слова.

— Это какая-то нелепица. — Взгляд Линды бегал по столу, сколоченному из старых декораций. Руки не могли найти себе места. То сцеплялись друг с другом, мелодично ударяясь крупными кольцами, то принимались нервно крутить пряди седых волос, выбившихся из сложной прически. — Какая-то чушь. Борис напал на тебя! Наш Борис?

— Понимаю, сам не очень верю. Только болит все уж очень убедительно. — Я выдохнул в воздух еще одно облачко дыма.

Линда провела руками по лицу, испещренному сетью морщин, но не потерявшему привлекательности. Линде было далеко за семьдесят, для краи это было очень много. Я знал этот жест — она на что-то решалась.

— Собрание? — предположил я.

— Собрание, да... — Линда помолчала, будто прислушиваясь, как звучат ее слова. — Да, быстрое. — Она поднялась из-за стола, и принялась мерить шагами маленькую комнату, стены которой тоже были собраны из того, что нашлось за кулисами. — Нужно как можно быстрее проинформировать отряды и выслать всех на поиски.

— Путевода или Бориса? — уточнил я.

— Борисом займутся кеди. Пока так разумнее всего. Мы же займемся Путеводом. Майя права. Это наша работа. — Линда

еще немного помолчала. — Ребенок... Небо, Путевод — ребенок! Неужели не было других вариантов?

— Видимо, его предшественник решил, что это охрнительная идея, — ответил я, но по реакции Линды понял: это был вопрос не ради ответа. — На заре я с ребятами готов выдвинуться. — Я закурил сигарету в фарфоровой миске, которую обнимала балерина.

— Может, все-таки покажешься фоци? — Линда посмотрела на меня. — Они тебя подлатают, чем плохо?

— Да ерунда, сказал же. На мне и не такое заживало. Поможь, дерну кофе — и бодрячком!

Линда неопределенно качнула головой.

— Собрание назначу на четыре утра — у тебя будет немного времени поспать. Надеюсь, хоть с этим ты не станешь спорить?

Линда встала у дальней стены кабинета. Рыцарь, нарисованный на ней, неестественно корчил лицо в попытке изобразить отвагу. Он замахивался кривоватым мечом на дракона, скептически щурившего глаза на своего убийцу. Казалось, оба не в восторге от неловкой ситуации, в которой их навечно запечатлел не слишком умелый художник. Мне картина не нравилась, Линде тоже, но никто из нас не решился бы что-то с этим делать. Это была часть Театральной декорации, часть прошлого Театра, до того, как он уснул. Мы уже и так воспользовались этим прошлым, чтобы устроить себе всяческие удобства — стены, столы, стулья, полки. Проявлять еще большее неуважение никто не хотел.

— И еще нужно узнать, что происходит у... Них. — Линда не была суеверной. Скорее, не считала разумным часто использовать слово, вызывающее у всех не слишком веселую реакцию. — Я поговорю с хундами, узнаю последние сводки.

Я кивнул и покинул ее кабинет, занимавший нишу за кулисами бывшей стены.

Театр был нашим домом. В нем жили далеко не все края, но все бывали тут хотя бы раз — у Линды в кабинете, на Собрании, в гостях у друзей или просто пролетом.

Место силы с голубыми стенами и белыми колоннами, надежно спрятанное среди деревьев заброшенного парка.

Время оставило на Театре свой отпечаток, но сделало это деликатно, не забирая красоту, а, скорее, трансформируя ее в нечто новое, более подходящее его возрасту. В этом смысле Театр был очень похож на свою владелицу — Линду. Всегда элегантно одетая, всегда с прямой спиной и спокойным взглядом, Линда, в отличие от других краев, редко покидала стены Театра. Она была в первую очередь Хранителем нашего дома, а уж потом всем остальным — главой краев, Владелицей Ключей от Города, моим наставником. Когда-то именно она взялась за мое воспитание, и, как бы меня ни мотало по жизни, в какие бы пердряги я ни влипал, она всегда принимала меня таким, какой есть. И в числе немногих вещей, которых я держался, которые боялся потерять больше всего на свете, была ее вера в меня. В иные дни, особенно по молодости, это было единственным, что удерживало меня от страшных глупостей. Во всяком случае, от большинства.

Я поднялся в свою комнату на втором этаже, обустроенную в бывшей гримерной. Гримерных в Театре было всего две, но с помощью декораций их удалось разделить на целых восемь. Маленьких, но уютных. Владеть такой комнатой позволялось только главам отрядов. К счастью, я входил в их число. Мне досталась чудесная часть комнаты — с окном, выходящим на парк. В это время года сквозь лысеющие деревья можно было разглядеть реку и набережную далеко впереди.

Я задвинул за собой оргалитовую спинку трона, игравшую роль двери. Стряхнул с плеч накидку, бросил ее на раскладушку. Зажег керосинку, которую отыскал на одном из чердаков в прошлом году. Комната сразу потеплела — желтое пламя мгновенно прогрело грифельный мрак ночи, еще не готовый уступить свои права подступающему рассвету. Я открыл окно, впуская в комнату прохладу парка. Ссохшаяся рама грозно загрохотала стеклом, но я знал: это она просто так. Стекло прочно

сидело в ненадежной на вид глазнице. Я перегнулся через многократно беленный подоконник и осторожно снял с водостока ведро, до краев наполненное дождем. Я отмылся, воды даже хватило на быструю стирку.

Перебинтовался, сделал керосинку ярче и наконец завалился подремать. Сон пришел быстро, я даже не заметил, как перед глазами замелькала всякая чушь. Проснулся с рассветом, когда за дверью поднялся шум. Краи слетались для Собрания.

Я вышел в зал. По традиции, на Собрании краи присутствовали не все, только главы отрядов и их ближайшие подчиненные. Мои уже были здесь — самые ответственные, как всегда.

Зал Театра был небольшим, но уютным. Мне казалось, он сохранил в себе все, что принято ассоциировать с театрами, пусть его слегка и потрепало. Алые бархатные кресла, на которых еще можно было различить номера. Балконы и колонны со старинными вензелями, тяжелый занавес на сцене, чуть истлевший по краям. Атмосферы добавляло и освещение — свечи и система зеркал, чтобы отразить свет и равномерно его распределить.

За каждым лидером в зале были закреплены определенные места. Мне, как Крышнику, ведающему всем, что происходит на крышах и чердаках, отвели место повыше — на колонне, поваленной на ложу бельэтажа.

— Ну и вид у тебя, начальник, — усмехнулся Гораций, когда я неловко опустился на свое место — сон вернул силы для полета, но вывих не способствовал мягкой посадке.

— Ты поговори мне. — Я устроился поудобнее, вытянул ногу, чтобы колено не так сильно напрягалось.

— Правда, что тебя глава кеди отделал? — не унимался мой подчиненный. — Это ж ни в какие рамки!

— Скажи мне, что не весь орден в курсе. — Я глянул в зал, постепенно наполнявшийся другими краи.

— Да нет, начальник, ты что, только мы, вот тебе слово! — прыснул Гораций. Нагловатый, но талантливый юнец, совсем

недавно примкнувший к моему отряду. Мне он нравился: исполнительный, всегда с парой острот наготове. Я только улыбнулся ему в ответ.

Когда зал уже гудел от количества голосов и обсуждений, на сцену вышла Линда — как прима, выплыла из-за кулис с высоко поднятой головой. В лучах «естественного прожектора» — дыры в потолке — сверкало ее ожерелье. Связка посеребренных отмычек. Ключи от всех дверей.

Линда терпеливо ждала, пока все рассядутся и успокоятся, а вот мне уже хотелось побыстрее начать. Поэтому я поднял руку вверх, показывая, что готов слушать. Следом взлетела рука Горация. Затем — Гретты и Марии, моих ребят. За ними повторили остальные. Линда окинула взглядом зал — море рук, одетых в черное и серебряное. Она кивнула — мы опустили руки.

— Дорогие мои, — полился голос Линды. — Хранителям стало точно известно: новый Путевод есть!

По залу пронесся благоговейный возглас. Линда медленно подняла руку, призывая к порядку. Гомон стих.

— Увы, не так все просто, — продолжала она. — Несмотря на то что нам удалось подтвердить его существование... — взгляд Линды коротко задержался на мне и переместился дальше, — Путевод пока не найден.

Меня всегда восхищало то, как уверенно она выступает. Довольно долго я был убежден, что это природный талант, пока не застал ее в кабинете, репетирующей каждое слово перед очередным Собранием.

От слов Линды по залу прокатился разочарованный вздох. Она только спокойно подняла руку, снова призывая всех успокоиться.

— Уверена, это лишь вопрос времени.

— Вот бы теперь Путевод был с нами, с край! С нами так давно не было Путеводов! — раздался голос из зала в обход строго распоряжения Линды — все вопросы только по поднятой руке.

— Главное, чтобы не с фоци! Остальное терпимо! — усмехнулся другой.

Линда нахмурилась — подобная болтовня на Собрании ее раздражала, однако она молчала в ожидании, что подопечные сами образумятся. Зря.

— И не с кеди! — подхватил еще кто-то в зале. — В прошлый раз были кеди! Лучше уж с фоци!

— Вообще не лучше!

И тут уж все заспорили наперебой. Версии звучали со всех сторон, как будто это могло что-то изменить.

— А ну-ка, тихо! — Голос Линды заставил всех мгновенно замолчать.

Обычно мягкая, она редко переходила на крик. Поэтому, когда повышала голос, не оставалось сомнений — настроена она очень серьезно.

Когда вновь воцарилась тишина, черты лица Линды разгладись и на губах вновь появилась вежливая полуулыбка.

— Как бы нам ни хотелось, чтобы новый Путевод был с краи, мы не должны забывать о правилах! — Она строго глянула в зал. — Как только Путевода найдут, его, как и полагается, приведут на собрание Совета, который и установит, кто станет опекуном в зависимости от его способностей. Мы, фоци или кто-то еще.

— Только не фоци... — снова тихо прошептал явный противник сизокрылых, но Линда великодушно оставила это незамеченным.

— Однако, — ее лицо помрачнело, — как вы, наверное, сами догадываетесь... Они тоже вышли на поиски.

В зале повисла мертвая тишина, постепенно покрывшаяся мурашками тревожных перешептываний.

— Теневые, — тихо произнесла Линда.

Зал невольно вздрогнул. Теневых боялись все без исключения, пусть кто-то и храбрился. В отличие от Мрака, бездумно шатавшегося по местам чужой боли, скорби или гнева и не доставлявшего особых хлопот, Теневые были людьми. Их было немного.

Иногда и вовсе один Теневой на весь Город. Но они были невероятно прожорливы, а потому невероятно деятельны. В их распоряжении всегда были Тени, тупые создания, но при правильном руководстве становившиеся верными гончими, ради хозяина готовыми на все. Они высыпали на Улицы с заходом солнца. Не боялись их только хунды, охранявшие Город от Теней в ночное время. И шушу, но уже по совсем другим причинам. А мы, край, фочи и уж тем более кеди были почти беззащитны. Понимание этого мечом висело над нами, и вечерами от него иногда становилось совсем жутко. Чем ближе был закат, тем чаще я видел край, бессмысленным взглядом созерцающих что-то перед собой. Это длилось всего несколько секунд, обычно все быстро брали себя в руки и возвращались к делам. Но я знал, что стоит за этими короткими отвлеченными взглядами. Страх. И окрашенные им воспоминания. Они были у каждого. Днем их прятали в черный подвал памяти, но ближе к ночи словно кто-то ослаблял замок на двери и воспоминания просачивались в узкую щель, липкой жижей облепляя все мысли, мешая сосредоточиться, порождая в груди нервный холод.

Теневые почти никогда не охотились сами, обычно это для них делали Тени. Но только не во время поисков нового Путевода. Тогда они готовы были запачкать руки, а потому поиск Путевода превращался в гонку. Где ценой было как благополучие Города, так и наши собственные жизни.

— Я понимаю, это пугает. Но мы с вами уже не раз через это проходили. До сих пор Им не удавалось нас обогнать. Не получится и в этот раз, если вы будете сохранять спокойствие и действовать согласно установленным правилам, — продолжила Линда. — Правила отработаны годами. Если вы будете их придерживаться, все будет хорошо и никто не пострадает.

— Тогда чего же мы ждем? — вдруг вскочил кто-то в зале. Кажется, кто-то из людей Амбарника. — Надо срочно выдвигаться на поиски!

— Разумеется, — согласилась Линда. — Но хочу снова призвать вас к осторожности. Да, мы давно имеем дело с Теневыми, но все вы знаете, что это враг, которого нельзя недооценивать. Отдельная просьба к главам отрядов. Следите за своими подчиненными, особенно за новобранцами, и не подвергайте их напрасному риску.

Зал согласно загудел.

— Действуйте осторожно и помогайте друг другу. — Линда перевела дыхание. — Итак, о новом Путеводе. Он седой. И он очень юн. Да, это совсем немного. Но будем надеяться, что столь скромное количество информации не помешает нам отыскать его очень скоро.

* * *

Чем больше Город, тем больше требуется сил, чтобы его прочесать. Но когда у тебя есть отточенный годами план действий и четкая система распределения отрядов, организация поисков не составляет особого труда.

Весь орден края делился на отряды. Один предводитель, несколько заместителей и кучка подчиненных. Ну и новобранцы, куда без них. У каждого отряда — своя зона ответственности.

Амбарник и его отряд взяли на себя окраины Города, плавно и незаметно перетекавшие в деревни.

Балконник привычно выбрал спальные районы.

Гаражник и Сарайник, предпочитавшие работать в паре, присоединились к нему, взяв на себя меньшую высоту.

Подвальник, хорошо общавшийся с шушу, вызывался осмотреть все с земли.

Цеховик с его огромным войском, правда, изрядно поредевшим за последнее время — люди повадились сносить здания фабрик и заводов, — конечно же, отправились в свои любимые промзоны.

У нас с ребятами с географией было сложнее. Крыш, у которых был доступ на чердак или в другие «крышные» зоны, по всему Городу было полным-полно.

— Начнем с центра? Чтобы с Цеховиком не толкаться, — предложил Гораций.

План был неплохой.

Я уже собирался улетать, когда ко мне подошла Линда и отвела в сторону.

— Есть кое-что еще, — понизив голос, сказала она. — Кое-что только для твоих ушей.

— Так? — Я наклонился ближе.

Линда помолчала, подбирая слова.

— Майя приходила. Борис не вернулся на Теплотрассу. И никто из семьи его не видел после инцидента с тобой.

Она посмотрела на меня, ожидая реакции. А я стоял и думал, что дело дрянь. В Городе Хранители никогда не пропадают просто так, тем более когда происходит смена Путеводов.

— Каравакс, на этот раз творится что-то совсем плохое. Я не знаю, что именно, но прошу тебя: Путевода надо найти как можно быстрее. Сделай все, что от тебя зависит.

Я не понимал, почему об этом она просит именно меня, — ведь на поиски выдвинулись все отряды края. Но не стал спорить.

— Сделаем.

Александра Натарева родилась в России, но выросла в Японии, в Токио, что существенно сказалось на творчестве. Писала с детства, в шестнадцать лет выпустила первую книгу — сборник мистических рассказов. В 2007 году окончила факультет журналистики МГУ, долгое время работала в рекламном агентстве, продолжая писать книги. В 2017 году получила премию «Писатель года» в номинации «Дебют», выпустила второй сборник рассказов «Привет».

Город — это не просто набор домов и улиц, это живое существо, о котором нужно заботиться. И занимаются этим не только люди. Во многом им помогают Хранители, на первый взгляд — обычные городские животные: кошки, вороны, даже крысы. Но на самом деле они — волшебные существа, защищающие людей от Теневых — мрачных сущностей, способных свести с ума и питающихся людской агрессией и страхом. Кто из них выиграет битву за город, зависит от Путевода — единственного человека, которого город наделяет особыми способностями. И который может привести в гармонию силы добра и зла. Но что делать, если выбор города пал на двенадцатилетнего ребенка?

«Написать роман с ребенком в качестве главного героя, но так, чтобы было интересно взрослым, — это признак настоящих литературных способностей».

Ольга Славникова

www.gorodets.ru

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦЫ

ISBN: 978-5-907220-93-5

9 785907 220935